

О.А.ЕГОРОВ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ ПСОВОЙ ОХОТЫ (XV-XVIII ВВ.)
// Часть первая «Охотничий регул принадлежащий да псовой охоты». Начальный этап становления русской псовой охоты (XV - первая треть XVIII вв.). Глава II. Предыстория русской псовой охоты

6. Татарский след (стр. 234-264)

Гипотезу о происхождении русских борзых и гончих от собак, приведенных на Русь татарами, а также и самой комплектной псовой охоты от них же, впервые выдвинул Николай Павлович Кишенский. Если отвлечься от этой гипотезы и оценить деятельность Кишенского в целом, надо признать, что вклад, сделанный им в русскую охотничью культуру, огромен и бесспорен. Ему принадлежит приоритет теоретического обоснования типических признаков отечественных пород гончих собак, которое он воплотил в собственной судейской практике, заложив тем самым основу всей дальнейшей работы с отечественными породами гончих собак. Можно сказать, что в истории становления отечественных пород гончих Кишенский сыграл ту же роль, что и П. М. Мачеварианов в истории русской псовой борзой. Взгляды Кишенского на отечественных гончих, его теоретическая и практическая работа в этой области послужили отправной точкой для всех остальных поколений русских гончатников. Он же первый обосновал теорию и практику ружейной охоты с гончими в России. А его труд «Ружейная охота с гончими» является не только классическим, но и фундаментальным. Без ссылок на него не обходится ни одна книга, посвященная отечественным гончим собакам.

Кроме «Ружейной охоты с гончими», Кишенским была написана еще одна работа — «Опыт генеалогии собак»¹, в которой как раз и была предпринята попытка обосновать происхождение русских борзых и гончих собак от татарских.

Если «Ружейная охота с гончими» создана на основе богатейшей охотничьей практики, человеком вдумчивым и наблюдательным, способным осмыслить собственный опыт и наблюдения и сделать на их основе обобщающие выводы, к тому же безмерно любящим предмет своего наблюдения, то есть гончих собак и охоту с ними, то «Опыт генеалогии собак» преследует лишь одну цель: доказать, что восточные породы борзых и гончих собак происходят от совершенно других предков, чем их западные визави. А это необходимо Кишенскому для обоснования идеи, что разводимая им так называемая костромская гончая есть чистокровная собака. Проще говоря, доказать, что среди всех пород гончих собак она самая древняя и самая чистая по своим кровям. Нечто вроде арабского скакуна среди всех пород лошадей.

К сожалению, в этой работе Кишенского ярко проявились те отрицательные черты его характера, которые, в конце концов, и завели его самого и его дело в тупик. Одна из них заключалась в том, что, выдвинув какое-либо положение и приняв его за истину, он не менял своих взглядов, несмотря ни на какие

¹ Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // Природа и Охота. 1882. № 1-5, 7, 9, 11; 1883. № 1-5, 9, 10, 12; 1884. № 7, 10; 1885. № 12.

опровергающие это положение факты. Причем для доказательства истинности взлелеянного им положения Кишенский не останавливался ни перед чем: ни перед передержкой, ни перед подтасовкой, ни просто перед вымыслом.

О положительных и отрицательных чертах этого, безусловно, выдающегося русского гончатника очень ярко и образно рассказал другой знаменитый русский гончатник, продолживший дело Кишенского и по праву получивший титул «отца русской гончей», Николай Павлович Пахомов, в своих известных в русской охотничьей литературе «Портретах гончатников»: *«Кишенский, как старый, матерый волк, огрызался, давая хватки направо и налево, но дело его было, в сущности, проиграно. Мне хочется отметить здесь его замечательный, образный, горячий, хотя порой и грубоватый, язык, которым написаны его последние заметки. Кто не читал их, не сможет вполне представить себе его образ. Меткость его выражений замечательна, и в лаконичных фразах, направленных против врагов, проявляется мертвая хватка настоящего зверогона»*²

Нам же остается только рассмотреть доказательства, приведенные Кишенским в пользу татарского происхождения русских борзых и гончих, и для этого более подробно познакомиться с «Опытом генеалогии собак», который, к сожалению, в русской охотничьей литературе еще ни разу не подвергался серьезному критическому разбору.

Уже с первых своих строк «Опыт...» неприятно поражает читателей общим тоном исследования, характерным ложным самоуничижением. Вот всего лишь пара тому образчиков. *«Не мне, простому охотнику и любителю собак, соваться с моими скромными познаниями в такие важные материи...»*;³ *«...я должен „потявкать“ на одного слона громадной величины (на Дарвина. — О.Е.)...»*, хотя *«в глазах большинства привыкших раболепствовать перед изречениями авторитетов я выгляжу „моськой“*», но *«голоса „мосек“ стали иногда приводить в некоторое замешательство массивную авторитетности»*⁴ При всем этом автор демонстрирует поразительную начитанность и эрудированность, что несколько не вяжется с заявленной скромностью его познаний.

Однако чтение научных трудов необходимо Кишенскому отнюдь не для поиска истины. Истина ему уже известна, и Кишенский занят лишь подбором тех фактов, которые так или иначе ее подтверждают. Все остальное просто игнорируется и отбрасывается или же и вовсе объявляется ошибочным и придуманным кабинетными горе-учеными, никогда в глаза не видавшими породистых собак и не знающими, что это такое. *«Многие заключения ученых о собаках, — пишет Кишенский, — потому и отличаются разноречием и совершенной ошибочностью, что им для исследований попадались ублюдки, чего гг. ученые не могли разобрать, ибо но в породистых собаках они не смыслят ни бельмеса. Как известно, ублюдков масса, а собак породистых немного и достать ублюдка ученому ничего не стоит, тогда как собака породистая стоит всегда*

² «Охотничьи просторы». М., 1958. № 9. С.177-178

³ Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // ПиО. 1882. № 4. С.1

⁴ Там же. № 5. С. 34.

относительно дорого»⁵

Так в чем же заключалась истина по Кишенскому?

Домашняя собака происходит не от одного какого-либо дикого вида семейства собачьих, а от нескольких, то есть не только, например, от волка, но и от шакала, буанзу ит. д., ит. п. Собаки, происходящие от одного какого-либо вида диких собачьих представляют собой, по Кишенскому, чистокровный тип, который при возвращении его обратно в дикую природу без проблем должен будет вернуться к своей исходной форме. Однако на практике подобного с собаками никогда не происходит. Это, по Кишенскому, связано с тем, что в результате великих исторических переселений народов первоначальные чистокровные типы собак, каждый из которых происходил от одного какого-либо дикого вида собачьих, сильно перемешались между собой и утратили свою первоначальную чистокровность.

*«Ни в одной другой части света, — пишет Кишенский, — не было и не могло быть такого сильного смешения пород и таких многократных скрещиваний, как в Европе; сначала поток переселяющихся народов, завоевателей и завоеванных, способствовал смешению пород, потом начавшая развиваться культура и связанные с ней международные торговые и иные сношения опять способствовали тому же — и нигде нет такого разнообразия типов, нигде собачьи породы не удалились типом, ростом и характером настолько далеко от диких типов, как то случилось в Европе; многие европейские породы до того изменились, что немыслимо, чтоб они могли существовать в диком состоянии даже при самых благоприятных тому условиях. Чем же можно объяснить такое явление, как не тем, что вследствие скрещиваний появлялись постоянно совершенно новые признаки?»*⁶

И вот здесь Кишенский делает следующее допущение. Первоначальный чистокровный тип по своим качествам всегда заведомо лучше, чем у пришедших ему на смену мешаных и утративших свою чистокровность типов. Следовательно, задача любого заводчика, например гончих, состоит в стремлении к накоплению в породе тех внешних признаков, которыми характеризовался первоначальный чистокровный тип, поэтому нужно постоянным отбором постараться воссоздать исходный прототип породы. А так как его охотничьи качества, по Кишенскому, заведомо превосходят любую нечистокровную мешанину, то таким образом заводчик автоматически получит идеальную гончую.

Но вот что любопытно. Кишенский, демонстрируя свою начитанность и эрудированность и при этом упоминая имена таких ученых-естествоиспытателей, о которых ныне помнят разве что лица, специально интересующиеся историей зоологии, почему-то ни словом не обмолвливается о таком действительно крупном и известном ученом-естествоиспытателе XVIII в., как Ж. Бюффон. Молчание в данном случае весьма красноречиво. Ведь постоянно противопоставляя кабинетных ученых невежд, которые ни бельмеса не смыслят в собаководстве, и настоящих старинных знатоков-заводчиков, которым только и открыта истина, как-то не с руки упоминать имя человека, на чьем учении на самом деле и стояло все европейское

⁵ Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // ПиО. 1882. № 9. С.37

⁶ Там же. С. 43

животноводство XVIII в., особенно же европейское коннозаводство. И те теории и гипотезы, которые господствовали в среде европейских коннозаводчиков XVIII в., были охотно приняты на вооружение заводчиками собак, в том числе и русскими.

Бюффоновская идея заключалась в следующем. Все породы какого-то определенного домашнего животного, например лошади, имеют одного общего первоначального предка, черты которого можно установить, сравнивая все породы лошадей между собой и выявляя наиболее общие для всех. Таким образом, вполне возможна теоретическая реконструкция этого гипотетического предка. Согласно Бюффону, пользовательные качества этого прототипа всегда выше аналогичных качеств любой происходящей от него породы. Отсюда логично вытекало, что общая задача животноводства есть возвращение от мешанины к чистому типу, то есть практическое воссоздание теоретической реконструкции гипотетического предка той или иной породы домашних животных. Неправда ли, весьма похоже на ту «истину», которая, по Кишенскому, была сокровенным знанием старинных собаководов и знатоков породы?

Вот эта-то поставленная с ног на голову конечная цель практического животноводства и завела к концу XVIII в. все европейское коннозаводство в полный тупик. К чему стоит добавить, что заводчики пород домашних животных этого времени чуждались близкородственного скрещивания, которое считалось противным божеским и человеческим законам, а потому и не могли удержать требуемых пользовательных качеств, даже если у них в заводе вдруг и выкидывалась какая-либо удачная особь.

Первыми очнулись от бюффоновского морока англичане, поняв, что главная цель практического животноводства есть не отбор животных по каким-то надуманным внешним признакам в надежде на то, что именно это и приведет к улучшению пользовательных качеств разводимых животных, а главная цель есть отбор животных, основанный на учете этих самых пользовательных качеств. Например, в собаководстве отбор гончих должен вестись не по наличию какого-то особенного окраса, который якобы наличествовал у их прототипа, а, в первую голову, по способности собаки гнать зверя с голосом и т. д., и т. п.

Постановка пользовательных качеств во главу угла при отборе животных сразу же вывела английское животноводство на передовой уровень и позволила добиться поразительных результатов. Розен в своем труде «История гончих собак» привел по этому поводу фразу английского заводчика гончих Бекфорда, как нельзя лучше характеризующую сказанное выше: *«Относительно окраса масти, я не придаю этому никакого значения и придерживаюсь того мнения, что хорошая собака всегда будет хорошего окраса масти»?*⁷

Бешеный успех английских пород домашних животных в России, в том числе английских лошадей и собак, вызвал у Кишенского резко негативную реакцию. Потому немало ядовитых перлов рассыпано в его «Опыте...» относительно английских пород собак. *«Вообще надувательство собаками иностранцев, — пишет, к примеру, Кишенский, — развито в Англии до замечательного бесстыдства, и мне*

⁷ Цит по Розен Г.Д. История гончих собак. М., 1896. С.57-58.

неоднократно приходилось видеть полученных оттуда, за очень солидные деньги, явных ублюдков и, мало того, снабженных аттестатами по всей форме, даже со свидетельствами о будто бы полученных на выставках премиями».⁸

Подобная реакция Кишенского была вполне понятна, так как зримые успехи практического английского животноводства без лишних слов опровергали все его теоретизирования о «старшинстве установившейся крови», о «чистом диком типе» и т. п. Да и собственная собаководческая практика Кишенского, основанная на защищаемых им идеях, неизбежно привела к вырождению разводимой им породы гончих и к полному краху дела всей его жизни.

Однако, как я уже заметил выше, не поиск научной истины был главной целью «Опыта...» Кишенского. Из утверждения, что все породы, например, восточных гончих происходят от одного общего предка, охотничьи качества которого, разумеется, неизмеримо выше аналогичных качеств любой происходящей от него современной породы восточных гончих, совершенно логично следовало, что первоначальная задача заключается в том, чтобы теоретически установить типические признаки этого предка. Вот их в своем труде Кишенский и устанавливает, а заодно находит и его самого, и его историческую родину. Этим общим предком восточных гончих оказался индийский буанзу. Далее уже совсем просто. Необходимо было отыскать ту породу среди восточных гончих, которая по своим типическим признакам наиболее приближалась бы к своему предку, то есть, согласно Кишенскому, являлась бы его наиболее чистым потомком, несущим в себе лишь незначительную долю посторонних примесей. Разумеется, такую породу Кишенский в России нашел — это, конечно же, была «костромская гончая», по странному стечению обстоятельств разводимая самим Николаем Павловичем. «Несомненно, — пишет Кишенский, — что костромская порода крайне или даже резко типична и ближе всех по признакам походит на дикого зверя — буанзу, от которого, несомненно, происходит»⁹

Понятно, что если «костромская гончая» есть наиболее чистый потомок предка вообще всех восточных гончих, то и ее рабочие качества заведомо выше аналогичных качеств всех других пород, засоренных примесями не гончих кровей. Осталось теперь только показать, как предок «костромской гончей» мог попасть на Русь из Индии и при этом умудриться сохранить почти первозданную чистоту. Вот тут-то и пригодились татары. Кому же, как не им, было привести этих гончих на Русь. Правда, Кишенский, предвидел резонный ответ оппонентов, что этого не могло быть по той простой причине, что у народностей, населяющих азиатские степи и пустыни, через которые из Индии должна была пройти гончая собака, гончих собак не было и в помине. Вот для того, чтобы доказать, что гончая собака попала на Русь именно с Востока и только оттуда, Кишенским и написан весь «Опыт генеалогии собак». Как это не парадоксально звучит, но написан он именно ради всего одного теоретического положения: русская (костромская) гончая есть гончая восточная (татарская). Все!

⁸ Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // ПиО. 1884. № 10. С.12

⁹ Там же. С. 22

Понятно, что если гончих собак, по Кишенскому, на Руси до монголо-татар не было и они были приведены сюда только последними, то ими же должна была быть принесена на Русь и сама охота, при производстве которой были необходимы гончие: собаки. Поэтому Кишенский очень аккуратно проводит в «Опыте...» мысль, что именно татары привнесли на Русь псовую охоту, до того здесь неизвестную. Для обоснования этого как раз и пригодились борзые собаки. Оппонентам Кишенского отвергнуть сам факт возможности привода борзых собак на Русь именно татарами было значительно труднее; к тому же, поскольку в первой половине XIX в., то есть на исторической памяти современников Кишенского; к русской псовой борзой активно приливалась кровь горок и крымков, пород бесспорно восточных, то же самое могло иметь место, к примеру, и в XVI в.

Поэтому Кишенский без тени сомнения пишет: *«Произведя исследования о восточных борзых на основании масти, мы пришли к заключению, что русские борзые находятся в близком родстве с типичными представителями этой группы (восточных- О.Е.); кроме того, на основании исторических известий нам известно, что охота с борзыми введена у нас татарами, которые пришли из Азии, следовательно, порода борзых, введенная ими, была, несомненно, восточной группы, впрочем, последнее подтверждается еще и тем, что до нашего времени все татарские народности обладают и охотятся исключительно с татарскими борзыми»*¹⁰

Никаких ссылок на документальные источники этих самых исторических известий о введении охоты с борзыми на Руси татарами Кишенский не приводит. Известно, и все тут! Зато теперь уже можно перекинуть мостик к гончим.

Прежде всего, исходя из молчания источников о наличии гончих собак в Древней Руси, Кишенский делает совершенно точную посылку. *«Это указывает, — пишет он, - на отсутствие настоящих гончих, которые в охоте играют слишком значительную, и можно сказать, первенствующую роль, чтобы не быть незамеченными и хотя бы вскользь упомянутыми. Гораздо правдоподобнее предполагать помощь опять же — лаек, которые гоняют, находят зверя и вообще помогают, но с- которыми, однако, настоящая парфорсная охота все-таки немыслима. Наконец, если бы охота с гончими, в единственной возможной для той эпохи форме, то есть сганиванием и добиванием зверя холодным оружием, существовала в древней Руси, то нельзя ничем удовлетворительно объяснить ее совершенное исчезновение в последующие, уже более известные времена, ибо логически и по примеру, представляемому нам другими странами, этот способ охоты пускает слишком глубокие корни и с постепенным обезлесением страны парфорсная охота всюду принимает более обширные размеры. Между тем в России до самого последнего времени гончие и борзые были неизбежной взаимной принадлежностью и скорее можно было встретить борзых без гончих, чем последних без первых»*¹¹

Из этого совершенно верного наблюдения Кишенский, однако, делает нужный

¹⁰ Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // ПиО. 1883. № 12. С. 58

¹¹ Там же. 1884. № 10. С.17-18. Подчеркнуто мной. — О.Е.

только ему вывод: *«Последнее обстоятельство особенно важно; оно ясно указывает, что правила псовой охоты заимствованы русскими уже в подготовленной форме и получены ими совместно с собаками, которые до того необходимы, иначе не могло бы появиться понятие о некомплектности псовой охоты без гончих и полное незнание с возможностью охотиться с одними гончими без борзых»*¹²

То обстоятельство, что псовая охота, зародившись на Руси в XVI в., отнюдь не была сразу же установившейся, а прошла довольно-таки длинный путь развития (причем как в части правил полевой езды, так и в части пород участвовавших в ней собак), который хорошо прослеживается по документальным источникам, Кишенский благополучно опускает, потому что только введение уже готовой комплектной псовой охоты татарами позволяет более-менее обоснованно сделать ему последний вывод, что *« те же азиатские орды должны были привнести и гончих, как необходимую породу для стройности псовой охоты»*¹³ И только после этого можно без тени смущения говорить о том, что предок «костромской гончей» был приведен на Русь именно татарами.

В истории русской охоты фигура Леонида Павловича Сабанеева является не менее знаковой, чем фигура Кишенского. Вклад Сабанеева в русскую охотничью культуру не просто огромен, он колоссален. Сабанеев стоял у истоков русской охотничьей печати, русских охотничьих выставок, русских охотничьих объединений, русского охотоведения и т.д., и т.п. Можно смело сказать, что Сабанеев сконцентрировал весь предшествовавший опыт русской охотничьей культуры и придал последней мощный импульс дальнейшего движения. По сути дела, с Сабанеева началась вся современная русская охотничья культура, так как его деятельность на этом поприще послужила тем базисом, на котором она начала успешно развиваться.

Однако среди трудов, написанных Сабанеевым, нас интересует сейчас только один — цикл очерков, посвященных истории борзых и гончих собак¹⁴. Этот цикл, по замыслу автора, должен был составить основу второго тома трехтомного труда под общим названием «Собаки. Охотничьи, комнатные и сторожевые». Однако закончить эту работу Сабанееву помешала преждевременная смерть.

В качестве теоретической основы своих работ по истории охотничьего собаководства Сабанеев положил «Опыт генеалогии собак» Кишенского, определив последний как выдающийся труд по истории собаководства, не имеющий аналогов в мировой литературе. Без всяких сомнений, просто на веру, Сабанеев принял и гипотезу Кишенского о татарском происхождении русских борзых и гончих собак. Но если Кишенскому это было необходимо ради доказательства того, что «костромская гончая» есть наиболее чистокровная собака из всех пород восточных гончих, то Сабанеев принял эту гипотезу совсем по другим причинам.

Дело в том, что Сабанеев, происходивший из потомственных дворян Романовского уезда Ярославской губернии, был прямым потомком служилого татарского мурзы Сабуная, выехавшего из Орды на Русь в XVI в. К тому же по

¹² Кишенский Н.П. Опыт генеалогии собак // ПиО. 1884. С.18

¹³ Там же

¹⁴ ПиО. 1895. № 3, 7; 1897. № 3-12; 1899. № 5-8, 11-12

своим политическим взглядам Сабанеев был славянофилом и антизападником. Эти взгляды в конце жизни привели Сабанеева к изданию славянофильского журнала «Домострой», целиком отвечавшего его политической ангажированности. Люди активной антизападной позиции искренне считали, что все беды России связаны именно с Западом, причем шли они, по их мнению, главным образом, от поляков и евреев. Потому признать западное влияние на русскую псовую охоту и, соответственно, на русских борзых и гончих было для Сабанеева невозможно. Московская старина, к которой он относил и русскую псовую охоту, не должна была иметь никаких западных корней. Эта старина могла иметь только местные или, на худой конец, татарские корни. И никакие очевидные факты не могли поколебать этой непреклонной позиции. Потому Сабанеев также догматически принял и другую концепцию Кишенского — о том, что именно бездумное прилитие кровей западных собак к чистокровным русским породам борзых и гончих, имевшее место в XVIII в., не только принесло безусловный вред отечественным породам собак, заметно ухудшив их охотничьи качества, но и привело их к почти полному исчезновению.

Столь догматически принятая гипотеза Кишенского, столь явное игнорирование очевидных фактов и вытекающее отсюда их замалчивание или просто грубое передергивание и подтасовывание сыграли с Сабанеевым злую шутку, сделав труд «Борзые и гончие» не просто самым слабым из всего написанного им, но и в части, касающейся истории отечественных пород борзых и гончих собак, не содержащим ни одной интересной мысли, ни одной значимой концепции; превратив его, по сути, в столь же бесплодную и бесполезную работу, каковой является и «Опыт генеалогии собак».

Правда, в отличие от Кишенского, опиравшегося в своих доказательствах лишь на голый вымысел, Сабанеев попытался подыскать хоть какие-то факты. На одном из них необходимо остановиться подробнее, и даже не в силу того, что Сабанеев сделал его краеугольным камнем в цепи своих доказательств происхождения русской псовой охоты, а также борзых и гончих от татарских, а просто с этим фактом в русской охотничьей литературе связано уж слишком много мифов и передержек. Речь идет о грамоте царя Михаила Федоровича, посланной в 1619 г. галичскому (или в старинном написании галицкому) губному старосте Петру Перелешину.

Документ этот хорошо известен в русской охотничьей литературе, и первым ввел его в оборот в своем труде Кутепов. В этой грамоте говорится о том, что направляются в Галич и его пригороды¹⁵ Чухлому, Соль Галицкую, Парфеньев, Кологрив, Унжу два ловчего пути охотника и три псаря *«в наши дворцовые села и в княжеские, и в дворянские и детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины и в их волости, которые ведают на обиход, Матери Нашии Государыне Великия Старицы Инокине Марфы Ивановны»*¹⁶. И велено им *«у всяких людей имать на Нашу псарню собаки борзые и гончие и меделянские и медведи <...> и вы бы им дали на ослушников стрельцов и пушкарей и рассыльщиков сколько человек пригоже и корм*

¹⁵ Города уезда, в административном отношении подчиненные главному городу уезда. В Галичском и Костромском уездах эти пригороды имели свое старинное название — осады.

¹⁶ Цит. по Кутепов Н.И. Великокняжеская и Царская охота на Руси. Т. II. С.159

*тем собакам и медведем и провожатых и под медведи и под меделянские собаки подводы»*¹⁷

Первую ошибку допускает уже Кутепов, а вслед за ним и Сабанеев, в том, что охотникам и псарям дают в помощь стрельцов и пушкарей против «*бояр, дворян и прочих местных жителей*»¹⁸

Во-первых, в грамоте ничего не говорится о боярах. Бояре в Московском государстве XVI—XVII вв. — это не «*всякие люди*», а дистанция между боярином и боярским сыном — все равно что от земли до луны. Боярин — высший чин Московской Руси, а боярский сын — один из низших чинов служилого сословия. Избранный Земским собором ограниченным монархом, Михаил Федорович не мог еще себе позволить роскоши задеть боярскую верхушку. В грамоте иерархия соблюдена точно. В начале перечислены дворцовые села и княжеские, то есть вотчины самого государя (название «*княжеские села*» имели те дворцовые села, которые до этого входили во владения удельного князя); затем дворянские, то есть вотчины и поместья, принадлежавшие московским дворянам (дворянам московского списка); затем детей боярских, то есть имения, принадлежавшие городovým (уездным) дворянам; а под конец «*всяких людей*», то есть поместья, принадлежавшие служилым, по иерархической лестнице стоявшим ниже «детей боярских» (городовых дворян). Последняя категория — это так называемые служилые по прибору, то есть служилые в первом поколении. Ими могли быть те же стрельцы и пушкари, поверстанные поместным окладом. Как нетрудно заметить, вотчины и поместья высших чинов Московской Руси в грамоте не перечислены.

Во-вторых, Кутепов упустил в этой грамоте еще один нюанс. Государственные подати, собираемые губными старостами Галичского уезда с этих вотчин и поместий, идут не в казну или на государя, а «*на обиход*» матери царя. Государь же накладывает на эти имения еще одну повинность, тем более что, по всей видимости, других государственных тягот, кроме указанной, они вообще не несут.

Но почему же за собаками для царской псарни люди посланы в Галичский уезд? В Тмуторокань! Для Сабанеева все бесспорно ясно. По его мнению, это подтверждает, что «*нынешняя Костромская губерния была действительно родиной псовых борзых и русских гончих и в ней еще в XVII столетии встречались лучшие, наиболее типичные представители*»¹⁹ А далее уже без всяких оговорок: «*Из того, что царь Михаил Федорович посылал за собаками для возобновления царской охоты в глушь Костромского края, а не в ближние подмосковные местности, следует заключить, что в начале XVII века татарские гончие, как и татарско-русские борзые костромских и ярославских поместных дворян-татар, переселенных сюда Иоанном Грозным после взятия Казани, пользовались большою славою и предпочитались собственно русским гончим, в которых, конечно, не могло быть недостатка и в окрестностях Москвы*»²⁰ И повторил последнюю мысль

¹⁷ Цит. по Кутепов Н.И. Великокняжеская и Царская охота на Руси. Т. II. С.159

¹⁸ Сабанеев А.П. Собаки охотничьи. Борзые и гончие. М. 1987. С. 61

¹⁹ Там же

²⁰ Там же. С.337

несколькими десятками страниц дальше: *«Надо полагать, что борзых и гончих можно было бы найти и ближе к Москве, а не в глуши костромских лесов»*²¹

После таких посылок можно делать и обобщающие выводы. *«Что костромские гончие — гончие татарские, приведенные монголо-татарскими племенами, вторгнувшимися в Восточную Европу, можно считать вполне доказанным фактом <...> Название „костромская“, которое может породить некоторое сомнение в их татарском происхождении, объясняется тем, что, начиная со времен Иоанна Грозного, переселившего князей и мурз покоренного царства Казанского в нынешние Костромскую и Ярославскую губернии, почти до конца прошлого столетия Ярославско-Костромское наместничество считалось центром татарских помещиков-охотников и татарских охотничьих собак — борзых и гончих»*²² И далее, уже отбросив последние сомнения, автор утверждает, *«что в Костромском крае, как хорошо было известно жившему там до воцарения Михаилу Федоровичу, тем более родителю его патриарху Филарету, бывшему страстному охотнику (разумеется, псовому), у потомков татарских князей и мурз были самые лучшие, самые кровные охотничьи собаки, борзые и гончие»*²³

Вначале отмечу противоречие, допущенное Сабанеевым. Вот что он писал на первых страницах своего труда: *«Трудно ожидать, чтобы в смутные времена конца XVI и начала XVII столетий псовая охота процветала в Московском государстве. В Подмосковье, очевидно, не осталось хороших собак, если царю Михаилу Федоровичу пришлось посылать за ними в северную медвежью страну»*²⁴ Так ради чего царь посылал людей в Галичский уезд? Потому ли, что в Подмосковье не было хороших собак, или потому, что их там вообще не было?

Грамота Михаила Федоровича помечена мартом 1619 г. И это не случайно. Только-только, менее полугода назад (сентябрь—ноябрь 1618 г.), поляки под водительством королевича Владислава (надо сказать, небесталанного и не последнего полководца Речи Посполитой) стояли под стенами Москвы. Западный край был захвачен. Польский король, отец Владислава Сигизмунд III, стоял в Смоленске. И хотя королевича на Московское царство не пустили, но, согласно заключенному в деревне Деулино под Москвой перемирию, пришлось признать за Речью Посполитой Чернигов, Смоленск и другие западные города Восточной Руси.

Весь Северо-Западный край с его крупнейшими городами Псковом и Новгородом Великим был захвачен шведами под начальством известного шведского полководца Якоба Делагарди, и лишь в 1617 г. шведов выбили из Великого Новгорода. А Столбовский мир со шведами был подписан все в том же 1619 г., с уступкой шведам всей Невы и Ижоры.

Все центральные районы Московского государства лежали в руинах, среди опустошенных, обезлюдевших городов и селений бродили шайки польско-литовских «товарищей» («лисовчиков») и «воровских казаков» из самого различного по происхождению сброда. Шайки эти, естественно, передвигались по

²¹ Сабанеев А.П. Собаки охотничьи. Борзые и гончие. М. 1987. С. 371

²² Там же. С.370

²³ Там же. С. 371

²⁴ Там же. С. 370

большим дорогам и торговым путям. Именно поэтому были разграблены и сожжены поляками даже такие удаленные от Москвы северные города, как Устюжна Желез-нопольская и Вологда. Они стояли тогда на торном торговом пути. Из крупных городов Замосковского края менее всего пострадал Ярославль, так как в нем стояло земское ополчение, но все другие города Верхне- и Средневожья, включая и Кострому, были сожжены и разграблены.

Какие собаки! Какая царская псарня, когда одним из первых обращений законно избранной государственной власти к народу было взывание о помощи: *«Царь, Боярская Дума и церковные иерархи обратились с посланием к Строгоновым, которые имели владения на Урале и в Сибири, и к другим, не пострадавшим от разграбления богачам, с призывом помочь государству деньгами, кормами, товарами, обещая расплатиться при первой возможности. Царская казна стала наполняться. Присылали деньги, соль, зерно, оружие, рыбу, одежду, иконы»*²⁵

Но как только минуло лихолетье, как только были удовлетворены первые потребности, встал вопрос и о восстановлении Государева двора по полному чину. Значит, необходимо было восстанавливать и царские потехи, в том числе одну из самых любимых — медвежью травлю. Собак взять под Москвой было негде и не у кого. Один из самых богатых уездов Московского государства до Смуты — Московский — был и больше всех разорен. Вот и вынуждены были направляться люди в отдаленные, не пострадавшие от Смуты уголки Московского государства. Авось там отыщутся необходимые собаки.

То, что в нашем распоряжении имеется только одна грамота о взятии собак на царскую псарню, посланная в Галич, еще не значит, что подобные же грамоты не были посланы и в другие уезды. А так как грамоты по принадлежности составляли подьячие Конюшенного приказа, в ведении которого находились царские потехи, то скорее всего нашли они в уцелевших после московских пожаров бумагах сведения о составе царских потех (по типу уже цитированной выше «Записки о Царском дворе...») и обнаружили в них, что были на царской псарне до Смуты «потешные собаки, борзые и гончие и меделянские». И для тех подьячих разницы между этими собаками не было никакой, как и вопроса, могут ли эти собаки быть, например, в Галичском уезде? Потому фраза в грамоте *«Имать на Нашу псарню собаки борзые и гончие и меделянские и медведей»* является не чем иным, как формуляром, и скорее всего повторялась без изменений во всех подобных грамотах.

Этот формуляр отражал только потребность в тех собаках на царской псарне, которые были в ней «по старине». И, соответственно, посылка людей именно в Галичский уезд говорит не о том, что там находились в это время лучшие собаки во всем Московском государстве, а лишь о том, что на Москве питали надежду, что там они, возможно, есть.

Также является явной передержкой утверждение Сабанеева, что живший в Костромском уезде до воцарения Михаил Федорович хорошо знал о наличии там лучших собак. Но, во-первых, люди посланы в Галичский уезд, а не Костромской. И, во-вторых, не знал Костромского уезда Михаил Федорович, не говоря уже о

²⁵ Сабанеев А.П. Собаки охотничьи. Борзые и гончие. М. 1987. С. 60-61

Галичском, так как никогда здесь не жил. Он лишь временно здесь скрывался с ноября 1612 по март 1613 г. Не до охоты, знаете ли, было!

Не обоснована и другая мысль Сабанеева, будто и отец Михаила, упомянутый Федор Никитич, хорошо знал Костромской край. Московские бояре XVI в. и в подмосковных-то своих вотчинах отродясь не бывали, а что уж говорить о таких дырах, как какой-нибудь Галич. А если и приходилось кому из них побывать в местах отдаленных, как все тому же Федору Никитичу, то было это не по своей воле.

Не менее голословно мнение Сабанеева, что Федор Никитич охотник, «разумеется, псовый». Никаких сведений, каким охотником был Федор Никитич, у нас не имеется, а тем более о том, какой охоте он отдавал предпочтение. С не меньшей долей уверенности, если не с большей, можно сказать, что Федор Никитич тешил себя соколиной охотой. Московские государи отдавали предпочтение именно этой охоте. Почему же боярам не следовать их примеру?

Ну, а теперь настал черед разобраться и с самим «татарским следом» в русской псовой охоте.

Если, согласно Кишенскому — Сабанееву, *«костромская гончая»*, которой первый приписал все мыслимые и немыслимые достоинства, есть *«наиболее чистый потомок приведенных в Европейскую Россию татарами татарских гончих, происходящих от среднеазиатских»*, то, естественно, первый вопрос, который при этом возникает у здравомыслящего обывателя: «За что же такая честь Костроме дать свое имя гончей, которая по своим качествам не имела равных не то что в России, куда там, бери выше, — в мире?! Отчего же не удостоилась такой чести ее вторая родина Казань?». Остается предположить, что переселяемые железной рукой Ивана Грозного казанские князья и мурзы забрали в чужую Московию и всех своих собак, не оставив на старой родине ни одной приличной особи. Но и тогда все же остается непонятным: за что же такая честь Костроме? А, к примеру, не таким крупным татарским центрам в Московском государстве, как Мещёра?

Потому попытка Сабанеева назвать Кострому центром татарских помещиков-охотников является явной натяжкой, допущенной, чтобы хоть как-то привязать татар к костромской гончей. Но не был никогда Костромской уезд историческим центром служилых татар, а следовательно, рассыпаются как карточный домик все основанные на этом выводы Кишенского. Вот и приходится Сабанееву ставить неуклюжую подпорку, подверстывая Кострому к Ярославской губернии, в состав которой, правда, лишь в XVIII в., вошел упомянутый Романовский уезд, действительно бывший когда-то центром служилых татар, к этому времени давно обрусевших. Так что в XVIII в. Ярославскую губернию, вопреки утверждению Сабанеева, никто не считал центром татарских помещиков-охотников.

Недаром, сам родом из ярославских помещиков и потомок служилых татарских мурз, Сабанеев, чтобы подкрепить шаткие позиции костромской гончей как чисто татарской, вынужден прибегать к придуманному Кишенским мифическому татарину-помещику Костромской и Казанской губерний князю Арслан-Алею, у которого якобы выменял настоящих костромичей на борзых и

лошадей один из предков Кишенского. Потому что ни в родовой памяти непосредственного потомка переселенных Грозным татар, ни в родовой памяти его ближайших родичей, ни в родовой памяти других окружавших его в Ярославской губернии потомков служилых татар не сохранилось никаких, даже мифических, данных о приведенных сюда из Казанского ханства борзых и гончих. Иначе Сабанеев обязательно бы сослался на них в качестве бесспорного подтверждения выкладок Кишенского. И хотя много допустил в своем труде Леонид Павлович подтасовок и передержек, но так вдохновенно фантазировать, как Кишенский (согласимся, ведь не каждому придет в голову придумать, как мифический князь Арслан-Алей, большой любитель музыки гона, садился в поле на ковры послушать работу своих костромичей), не умел.

В данном случае выдумка Кишенского опровергается достаточно легко. Дело в том, что среди костромских помещиков никогда не значилось князей Арслан-Алеев. Петр I, проводя свои реформы, в 1700 г. обязал всех служилых людей Московского государства подать «скаска» о себе на Генеральный двор. Эти списки всего феодального сословия России сохранились в целости и в XIX в. являлись одним из главных источников для проверки притязаний того или иного лица на старинное дворянство. Сохранились и более ранние росписи служилых фамилий. А всего к старинному дворянству относилось около 3 тысяч фамилий, и среди них нет князей Арслан-Алеев. Есть дворянские фамилии Аслановых и Араслановых, но они не были ни князьями, ни тем более костромскими помещиками²⁶

Сабанеев, будучи ярославским помещиком, прекрасно знал, что таких князей ни в Костромской, ни в Ярославской губерниях не существовало никогда, а потому вынужден был поставить очередную неуклюжую подпорку, говоря о том, что, дескать, эта «фамилия теперь переименована»²⁷ Между тем ввиду развитого местнического права в Московской Руси XVI—XVII вв. Разрядный приказ, в котором накапливалась вся информация о служилых родах, очень внимательно следил за правильностью написания фамилий, поскольку это было важно, например, при назначении окладов²⁸

Живший в середине XIX в. в Костромской губернии А. Васьков в своих интересных записках отметил: *«В былые времена (то есть дореформенные. — О. Е.) Костромская губерния славилась породой хороших гончих собак. Много богатых помещиков жили в деревнях и держали большие псовые охоты; даже татары держали большие стаи гончих: в старину все было дешевле, и прокорм собак почти ничего не стоил. Теперь больших устроенных охот вовсе нет, и хороших собак чистой породы достать трудно»*²⁹ Бесхитростная оговорка костромского помещика, что «даже татары держали большие стаи гончих», говорит об истинном положении вещей.

Во второй половине XVIII в. российское дворянство, осознавшее себя

²⁶ Цит по: Загорский Ф.Н., Загорская И.М. Измайлово. М., 1997. С. 24

²⁷ См., например, Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII вв. М., 1989

²⁸ Сабанеев Л.П. Собаки охотничьи. С. 373

²⁹ Боярская книга. 1627 г. М., 1986. С. 13

благородным сословием, тешилось составлением мифических родословных. Одни производили свой род от могучих и непобедимых монголо-татарских богадууров, разумеется, князей, а то и от самих чингизидов. Другие — от отпрысков западных королевских родов, доводя свой род до овеянных славой древних римлян и даже их императоров.

Подобно им Кишенский, приписав костромской гончей все мыслимые и немыслимые достоинства, фактически возведя ее в княжеский ранг среди других пород гончих собак, чтобы хоть как-то объяснить русским охотникам, ошарашенным столь большим числом добродетелей, собранным в одной породе, и вопрошавшим, как подобное чудо могло произойти, придумал ей и мифическую родословную. Но еще больший восторг охватывал души русских охотников, когда они узнавали, что нет, не зачах этот неземной цветок, а сохранился и даже в первозданной чистоте и свежести. И где же? Конечно же, из всего необъятного пространстве Российской империи только у одного Николая Павловича Кишенского, хранителя этой неземной породы и ее верховного жреца, которому единственному во всей России и было дано право толковать: что же такое настоящая, подлинная костромская гончая.

И еще одно недоумение здравомыслящего обывателя. Уж если так хороша была костромская (татарская) гончая, что стала известна на Москве еще в начале XVII столетия, то почему же тогда через сто лет, в первой трети XVIII в., о ней вдруг напрочь забыли? И чем объяснить тот факт, что всеильный обер-егермей-стер Артемий Волынский, к тому же страстный псовый охотник, третий человек в царствование Анны Иоанновны, формируя царскую псарню, не послал людей за гончими в Кострому? Не знал? Или было где взять хороших гончих и помимо Костромы? Но тогда почему о ней вдруг опять вспомнили в конце XVIII в.? Однако неувязка!

Но вернусь еще к одной передержке Сабанеева. Указав, что за собаками Михаил Федорович послал в Галичский уезд, далее уже везде, без всяких обиняков, Сабанеев пишет, что царские охотники и псаря поехали в «глушь Костромских лесов». Галич действительно находится всего в каких-то 120 верстах к северо-востоку от Костромы. Но, как говорится, где Кострома, а где Галич!

Образовавшийся на основе Галичского удельного княжества, Галичский уезд никак административно не подчинялся Костромскому уезду и не входил в его состав. Общего у них была только граница. В остальном они разнились всем. Почти все земли Галичского уезда в XVI и начале XVII вв. были чернососными, то есть государственными. Это даже нет необходимости проверять по писцовым книгам. Царская грамота направлена галичскому губному старосте. А это означает, что Галичский уезд имел выборное земское самоуправление. Такое самоуправление после земской реформы Ивана Грозного имели именно черные волости. И в этом отношении Галичский уезд тяготел к Русскому Северу.

Костромской уезд, наоборот, как все уезды по Верхней и Средней Волге, был историческим центром служилого землевладения, то есть все его земли были в поместной и вотчинной раздаче. Черных земель здесь было крайне мало. Потому Костромской уезд не имел выборного самоуправления, а управлялся назначенным

непосредственно из Москвы воеводою.

И хотя какая-то часть земель Галичского уезда находилась на вотчинно-поместном праве, но вотчины и поместья эти были старинными и принадлежали в основном местному служилому люду. Переселяемых из Казани татар в Галичском уезде поместьями не верстали. Знал это и Сабанеев. Потому, защищая гипотезу Кишенского о татарском происхождении костромской гончей, упорно подверстывал Галичский уезд к «Костромской глуши», где хоть и в незначительном числе, но служилые татары были. Однако тут выходит неувязка.

В ходе губернской реформы Петра I в 1710 г. Галичский уезд был переименован в Галичскую провинцию и вошел в состав Архангелогородской губернии, в коей благополучно и пребывал аж до 1778 г.! И только после этого, в результате очередной губернской реформы, уже матушки Екатерины, он наконец-то попал в состав Костромской губернии, после чего с полным основанием мог назваться «Костромской глушью». Однако, согласно тому же Сабанееву, *«устные предания о костромских гончих и вообще о псовой охоте не восходят далее середины прошлого столетия (XVIII в. — О. Е.)»*³⁰ Тогда тем более костромская гончая никакого, даже формального, отношения к Галичскому уезду не имела. Но остановимся пока на этом и вернемся в первую половину XVII в., взяв на заметку произвольную оговорку Сабанеева, что устные предания о псовой охоте далее середины XVIII столетия не восходят. Весьма существенный момент.

Как видим, неоткуда было взяться татарской гончей в Галичском уезде в начале XVII в. по причине полного отсутствия там татар. Но не было ее там и позже. В 20-е гг. XVII в. черные земли Галичского уезда были мобилизованы в вотчинно-поместный фонд и поступили в раздачу служилому сословию. Именно с этих лет и появляется в Галичском уезде значительное служилое землевладение. И, соответственно, с 1634 г. появляется в Галиче наряду с губной избой приказная, а наряду с губным старостой — галичский воевода³¹

Но в начале XVII в. в составе служилого сословия Московского государства мы видим новые явления. В нем уже нет значительного числа выходцев из Орды, зато появились выходцы с Запада. Как и прежде, в случае со служилыми татарами, московское правительство старалось посадить на землю этих выходцев компактными группами. Много таких выходцев с Запада оказалось и в Галичском уезде, и запестрел он такими чудными «татарскими» фамилиями, как Буге, Вод, Гамент, Дивель, Лермант, Мутр, Ульф и т. д., и т. п. А затем был еще первый массовый призыв иностранцев на русскую службу 1635 г., и так как денег в казне катастрофически не хватало, вместо денежного жалованья иноземцы были поверстаны поместьем. *«Испомещение служилых иностранцев, вероятно, вследствие постоянной тенденции обособлять их от русских людей, совершалось также очень часто группами. Таких иноземческих центров появилось в 20-х годах (XVII в. — О. Е.) несколько»*³², в частности, в Переславльском, Ростовском (и ныне, и

³⁰ А.В-ъ. Из записок ружейного охотника Костромской губернии // Журнал охоты. 1858. Т.2. № 9 С. 117.

³¹ Рязановский Ф.А. Крестьяне Галичской волости вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII века. Галич, 1927. С. 30

³² Готье Ю.Замосковский край в XVII веке. М., 1906. С. 309

в XIX в., между прочим, пребывающим в составе все той же Ярославской области) и Костромском уездах. А затем была Русско-польская война 1654—1667 гг., и опять поток иноземцев получил поместья в тех же Ярославском и Костромском уездах.

Если взять на вооружение методику доказательств Кишенского — Сабанеева, то есть из области фактов перейти на зыбучую почву домыслов, то с не меньшим основанием можно сказать, что «костромская гончая» — это западная гончая, приведенная в Кострому иноземцами, поселенными там в XVII в.

К этому времени на Западе, в отличие от Московского государства, породы гончих и борзых собак вполне сложились. К тому же, к примеру, если взять аристократическую верхушку служилого сословия XVII в., к которой относилось чуть больше 900 родов, или как их называли тогда — «родословных фамилий», то из них 168 родов вели происхождение от Рюрика, 223 рода были польско-литовского происхождения; 229 вели родословные из других стран Европы, в том числе 186 — из германских государств, лишь 120 родов считали предками татарских мурз; еще 36 родов происходили из других восточных народов, включая такие экзотические, как китайский; 42 рода были местного, то есть русского происхождения и 97 родов — неизвестного происхождения³³. Даже если к татарским родам отнести другие роды восточного происхождения, а также русские и неизвестного происхождения, то это составит всего около 300 родов против 600 западного происхождения.

Но... Не привели с собой западные иноземцы, как и татары, каких-либо собак, так как сам термин «костромская гончая» впервые появляется не ранее рубежа XVIII—XIX вв., так как первое упоминание о ней в русских документальных источниках мы видим только в 1810 г., в «Псовом охотнике» В. А. Левшина³⁴. А к этому времени и в Ярославской, и в Костромской губерниях уже все потомки служилых татар и западных иноземцев полностью ассимилировались и обрусели. Даже если предположить, что они привели с собой каких-то собак, то последних не могло быть много и собаки эти точно также должны были раствориться в общей массе местных собак, как растворилась когда-то в аборигенной лошади без всякого следа монгольская. Порода могла сохраняться столь долгое время лишь в том случае, если она велась в относительной чистоте, хотя бы на уровне специализированной породной группы. Однако не то что XVII -и, но и XVIII в. не дает никаких фактов и примеров того, чтобы те или иные породы (как мифические татарские борзые и гончие) велись как заводские. Именно в этом еще одно слабое звено в цепи доказательств Кишенского. Только в том случае, если бы удалось доказать, что те же татарские князья и мурзы вели своих собак, не мешая их ни с какими другими породами, можно было бы говорить, что они сохранили относительно чистые татарские породы борзых и гончих. Но как раз этому никаких подтверждений ни в каких источниках мы не находим, несмотря на все старания Кишенского и Сабанеева. Вот и приходится им, чтобы хоть как-то удержать на плаву татарскую гончую, утверждать, что татарские князья и мурзы вели своих собак в чистоте. В противном случае легко рушатся и все остальные построения,

³³ Загоскин Н.П. Очерк организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань. 1875. С. 177

³⁴ Левишин В.А. Псовый охотник. М., 1810. С. 18

как рассыпается миф о происхождении костромской гончей от татарской без поддержки его неким князем Арслан-Алеем, который не значит не то что среди костромских, но и вообще среди русских дворян. Вот и приходится ярославскому помещику Сабанееву, имевшему возможность проверить наличие такого рода среди костромских соседей, стыдливо оговариваться, что «фамилия теперь переименована». Не проще ли было предположить, что придумана?

Охотники XVI, XVII да и XVIII столетия, в том числе татарские, вязали своих собак без всякой системы и не затрудняя себя соображениями о породной чистоте. Да и трудно было бы блюсти эти породы в чистоте в условиях полувольного содержания собак.

Таким образом, детальный разбор грамоты царя Михаила Федоровича галичскому губному старосте не только не дает никаких доказательств в пользу татарского происхождения костромской гончей, но и вообще не свидетельствует о ее существовании там ранее XVIII в.

Однако если в данном случае Сабанеев попытался опереться хоть на какой-то документ, то во всех остальных случаях он был вынужден прибегать, вслед за Кишенским, только к голословным утверждениям, так как никаких фактов при всем старании отыскать им более не удалось. Но, несмотря на это, Сабанеев без тени сомнения выделил в истории русской псовой охоты так называемый татарский период, длившийся якобы с XIII в. до эпохи царя Алексея Михайловича, *«в течение которого выработывалась новая порода русских борзых и устанавливался порядок псовых охот»?*³⁵

Однако Кишенский, а вслед за ним и Сабанеев все же вынуждены были признавать, что в терминологии русской псовой охоты, в названиях самих собачьих пород и в названии их ладов нет никаких татарских терминов. Но уж так хотелось найти это самое пресловутое татарское влияние, что Сабанеев не останавливается перед очередной передержкой. *«Из того же „Регула“ (Фонлессина. — О. Е.) мы видим, — пишет Леонид Павлович, — что в псовой охоте тогдашнего времени выработалась определенная терминология, в которой было уже очень мало татарских слов; что татарскими остались только охотничья одежда, седловка и сигналы, начинавшиеся не с высокого тона, как на западе, а с низкого; что, наконец, татарские вислоухие борзые если и не перевелись вовсе, то сделались очень редкими»?*³⁶

Во-первых, доказывать происхождение псовой охоты на Руси от татар на основании того, что в одежде и седловке русских охотников наличествовали названия, имеющие тюркоязычное происхождение, все равно что обосновывать это ссылкой на использование русскими охотниками денег (слово, также имеющее тюркский корень). Ни то, ни другое не имеет прямого отношения к истории русской псовой охоты, относясь к явлению общенациональному. Русские охотники на охоте использовали ту одежду и ту седловку, которую использовал в повседневном обиходе и прочий служилый люд.

³⁵ Сабанеев Л.П. СОБАКИ ОХОТНИЧЬИ. С. 72

³⁶ Там же. С. 61

Во-вторых, нет ничего в «Регуле» ни об одежде, ни о седловке. Правда, он действительно упоминает о роговых сигналах. Однако говорится о них буквально следующее: при том или ином случае, например при утреннем построении перед охотой, когда господин выйдет во двор, ловчему с охотниками нужно подать сигнал в рог трикраты. Еще в двух случаях, когда ловчим подается троекратный сигнал рога перед наказанием провинившегося охотника, в тексте «Регула» добавлено: «и на драку». При этом «Регул» не только не разъясняет, что же из себя представляет этот сигнал «на драку», но и вообще больше ничего не говорит о других сигналах, не говоря уже об их тональности и звуковых переходах. Более того, с большой долей вероятности можно сказать, что упоминание сигнала «на драку» именно при наказании провинившегося охотника есть позднее добавление в «Регул», которого в первоначальном тексте не было. Внимательно читая текст, можно уверенно сделать вывод о том, что «Регул» еще не знает никакой системы роговых сигналов вообще. Последнее объясняется тем, что эта система только-только начала складываться на Руси. В противном случае «Регул» рассказал бы о роговых сигналах более подробно, как он это сделал в отношении голосовых сигналов, подаваемых охотниками. Таким образом, согласно «Регулу», почти во всех случаях охотники дают просто голос в рог без каких-либо фиоритур.

А мысль, что роговые сигналы русской псовой охоты заимствованы от татар, придумана Кишенским и повторена с его слов Сабанеевым, так как никаких свидетельств подобного заимствования или вообще существования у татар подобных сигналов мы нигде не находим. Наоборот, использовавшиеся татарами в различных случаях сигналы резки и высоки и извлекались из различного рода пищалок. Такие сигналы были для них совершенно естественны, так как основным родом их войск была конница. Именно резкие и высокие звуки лучше слышны в любой боевой обстановке, а значит, лучше обеспечивают управляемость войсками. Низкие же тона сигналов характерны как раз для лесной зоны Литвы и Руси, где использовались туры рога, дающие низкий тон. Поэтому было бы уместнее говорить здесь о влиянии Литвы и родной старины, чем татар.

Отсутствие татарских корней в терминологии русской псовой охоты является одним из главных камней преткновения и для Кишенского, и для Сабанеева. Обойти этот факт трудно. Потому Сабанеев вынужден намекать в своем труде на то, что вообще-то они были, но не сохранились. Ведь было же монголо-татарское иго, была же среди служилого сословия Московской Руси значительная прослойка выходцев из Орды! Так почему же не предположить, что они принесли с собой на Русь псовую охоту, а заодно и собак, от скрещивания которых с аборигенными лайками произошли наши знаменитые породы? Что ж, взглянем в качестве примера на ту отрасль животноводства, где фактов сохранилось больше — коневодство. Почему бы и здесь не предположить, что монголо-татарские лошади оказали сильное влияние на местную аборигенную лошадь.

«В литературе нередко встречаются указания на сильное влияние, которое оказала монгольская лошадь в период монголо-татарских нашествий на аборигенных лошадей Древней Руси <...> Монгольская лошадь хотя и близка по средним размерам к московской лошади XV—XVI вв., но не достигает все же

максимальных размеров, зарегистрированных у этих последних, не говоря уже о новгородских лошадях <...> Московские лошади XV—XVI вв., которые, теоретически, могли испытать воздействие монгольских лошадей, оказываются по краниологической структуре гораздо ближе к новгородским лошадям X века, в отношении которых говорить о влиянии монгольских лошадей, разумеется, не приходится. Разноплеменности монгольских армий соответствовала, конечно, и разнопородность их конского поголовья. При смешении этих лошадей с русскими коренными породами, более многочисленными и лучше приспособленными к местным условиям, могло происходить не поглощение последних, а, наоборот, растворение в них пришлых»³⁷ Если на аборигенную лошадь, игравшую исключительную роль в народном хозяйстве, не оказала влияния пришедшая, то что говорить о собаках!

Итак, русские источники никак не подтверждают, что наши юго-восточные соседи оказали какое-либо заметное влияние на систему русской псовой охоты, а также на формировавшиеся в XVI—XVII вв. специализированные породные группы отечественных борзых и гончих собак. Но для того чтобы сказать более определенно, могло или не могло быть подобное влияние, необходимо заглянуть в саму Золотую Орду. И у нас такая возможность есть. Причем прямо в середину XV в., то есть в ту эпоху, когда крепнувшее Московское княжество, формально еще состоявшее в вассальных отношениях к Золотой Орде, стало более привлекательным местом для жизни, чем клонящаяся к своему неизбежному краху Орда, и все большее и большее число татарских князей и мурз, вслед за ханом Касимом, потянулось на службу к великому князю Московскому.

В это время в венецианской колонии на берегу Черного моря в устье Дона — Тану, располагавшейся недалеко от нынешнего Азова, проживал венецианский купец и дипломат Иосафат Барбаро.

Барбаро прожил в Тану 16 лет, отлично знал татарский язык и в своих деловых поездках объездил все Приазовье, Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Нижнее Поволжье. Ко всему прочему, он был кунаком отца последнего золотоордынского хана Ахмета, столь бесславно закончившего не только свою жизнь, но и историю самой Золотой Орды. Все это делает сочинение Барбаро «Путешествие в Тану» одним из самых обстоятельных и точных по части наблюдений за повседневной жизнью татар в Золотой Орде среди прочих записок очевидцев.

В своем «Путешествии...» венецианец не преминул упомянуть, что татары «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки»³⁸ и «у них всегда бывает дичина, особенно олени»³⁹ Дальше он отметил наиболее, надо думать, поразившее его в местной охоте. «Татары, — пишет Барбаро, — прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов; они ловят птиц на репейник (что у нас не применяется), ходят на оленей и на другого крупного зверя. Кречетов они

³⁷ Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. № 51. М., 1956. С. 69-70

³⁸ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С.142

³⁹ Там же. С. 147

носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь эти птицы вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. Временами над их войском проносится стая гусей; тогда люди из лагеря пускают стрелы толщиной в палец, изогнутые и без оперения. Стрелы летят прямо, затем поворачиваются и летят наперерез птицам, раздробляя — когда настигнут их — то шею, то ноги, то крылья»⁴⁰

Здесь весьма характерна ошибка памяти Барбаро. В описании венецианца явно имеется в виду беркут, а не кречет. Однако перевод точен: в оригинальном тексте стоит именно «*zirifalci*»⁴¹ что значит по-итальянски «кречет». Память Барбаро удержала зрительные образы впечатляющей по красоте степной охоты с беркутом, но в тоже время сохранила то название, которое было у соколиных охотников самым громким.

Из сочинения Барбаро мы видим, что в Золотой Орде в середине XV в. самыми распространенными охотами были охота с ловчими птицами и охота на птиц и зверей с луком. Псовой охоты Барбаро не упомянул. Может, он ее просто не заметил? Но Барбаро жил не только в Золотой Орде. Некоторое время он был представителем Венеции в союзной Морее, где побывал на охоте у одного местного князька. «Он (князь. — О. Е.) привел с собой сто вилланов; каждый из них держал в руке дубину. Они были размещены на расстоянии десяти шагов один от другого и подвигались вперед, ударяя дубинами в землю и выкрикивая какие-то слова, чтобы заставить зверей выбежать из лесу. Охотники же, кто верхом, а кто пеший, с птицами и собаками расстанавливались по местам, где им заблагорассудиться. Когда наступал подходящий момент, они бросали в воздух птиц и пускали собак»⁴²

Заметим, что Морее — это нынешняя Албания, то есть та территория, которая в древности входила в Молоссию, славившуюся, как мы знаем, своими крупными травильными собаками. Надо думать, что описанная Барбаро охота в Морее практиковалась здесь издревле. Птиц использовали на мелкую дичь, а собак на крупную, то есть оленей, кабанов, косуль, серн и т. д. Принимал дичь из-под собак сам охотник, прикалывая или стреляя ее. Вряд ли дичь, прорвавшаяся сквозь цепь, преследовалась, так как это нарушало бы стройность охоты.

Также Барбаро был послом Венеции в Персии и не преминул отметить, что при перемещении ставки персидского шаха Узун Хасана ведут с собой «животных и птиц для охоты: леопардов, собак, соколов»⁴³

Если бы, как полагали Кишенский с Сабанеевым, татарские князья и мурзы не только держали, но и ценили и почитали своих собак, которых якобы даже вели в чистоте, то не мог человек, проживший 16 лет в Орде и близко знакомый с ее верхушкой, с ее нравами и обычаями, не заметить этого.

Интересно, что в кургане-захоронении скифского вождя (IV в. до н. э.) Куль-Оба близ современного города Керчи была найдена золотая пластинка, на

⁴⁰ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 148

⁴¹ Там же. С. 124

⁴² Там же. С. 143

⁴³ Там же. С. 174

которой изображен скиф-всадник, догоняющий зайца и метаящий в него дротик.⁴⁴

Нетрудно представить, какое надо было иметь мастерство во владении оружием, чтобы попадать на полном скаку в бегущего зайца! И надо думать, что подобная охота была не только военной подготовкой скифского воина и проверкой его мастерства, но носила и чисто соревновательный характер, так как мясо и шкура зверька не играли здесь никакой роли. Скифы были скотоводами, и разводимый ими скот, причем главным образом лошади, давал им мясо и шкуры в изобилии.

С легкой руки Кутепова, достаточно вольно по памяти процитировавшего греческого историка Геродота, жившего в V веке до н. э., в русской охотничьей литературе закрепилось мнение об использовании скифами на охоте собак. Между тем Геродот описал охоту не скифов, а другой народности — «иирков». У историков нет единого мнения, кого здесь имел в виду Геродот: разброс от предков хантов и манси, которых русские называли югрой, до предков чувашей и башкир. Однако в любом случае сама местность обитания данного народа позиционируется в Заволжской лесной зоне, то есть к степи и к скифам не имеет никакого отношения.

Сама же охота описана у Геродота так: «*Охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране, у каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним*».⁴⁵ Заметим, что собака следует за охотником. Таким образом, собака используется здесь не для гоньбы зверя, который именно нажидается охотником, сидящим в засаде, а для добора возможного подранка. И, надо думать, в случае промаха охотника по зверю убегающий зверь им не преследовался.

И опять же, как и в случае с фресками Софийского собора в Киеве, можно говорить только о том, что в данной лесной зоне собака на охоте использовалась. Но делать на основании этого заключение, что эта собака являлась непременно гончей или борзой, а также, что псовая охота существовала здесь издревле, означает, мягко говоря, заниматься досужими домыслами.

Не только Барбаро не заметил никакой охоты с использованием собак в Золотой Орде, не отметили этого и другие очевидцы. При этом они все дружно стрельбу из лука. Тот же Герберштейн, описывая охоту Василия III, не преминуло отметить, что шах Али и сопровождавшие его татары были вооружены луками. У русских на этой охоте он луков не заметил. Татары, изумлявшие всех очевидцев своей виртуозной стрельбой из лука по движущейся цели и к тому же с лошади на полном скаку в любую сторону, предпочитали стрелять того же зайца из лука, а не пассивно наблюдать, как его травят борзые собаки.

Еще Плано Карпини, совершивший путешествие в ставку монгольского хана Гуюка в 1245 г. в своей «Истории монголов» писал: «*Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть*

⁴⁴ Корнеев А.П. История промысла диких зверей на Украине. Киев. 1953. С. 10

⁴⁵ Доватур А.И. Народ нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты переводы, комментарии. М., 1982. С.10

*хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом или управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки и смелы».*⁴⁶

Причем Карпини также не преминул упомянуть о том, что у монголов очень много видов стрел, предназначенных для разных целей, в том числе и для стреляния птиц, зверей и безоружных людей «в три пальца ширины», то есть с толстым тупым концом.

Гильом де Рубрук, побывавший в ставке монгольского хана, преемника Гуюка Мункэ, в 1253—1254 гг., отметив наличие развитой соколиной охоты у монголов, также описал их облавную охоту на зверей. *«Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом, как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы».*⁴⁷

Здесь стоит заметить, что облавные охоты у монголов имели своей задачей не только добычу пищи для войска, но и служили своеобразными военными маневрами, на которых отрабатывались навыки по взаимодействию различных групп и частей между собой и с руководящим штабом, скрытое продвижение по местности, ну и, естественно, непосредственное владение разнообразным оружием. Подобные облавные охоты нередко длились 2-3 месяца, можно сказать, в условиях, максимально приближенных к боевым, и охватывали собой громадные территории. Важность облавных охот именно с точки зрения подготовки войска монголов подтверждается таким документом, как «Яса» Чингисхана, в которой правильной организации облавной охоты посвящен специальный раздел. Причем малейшее нарушение правил влекло за собой самое суровое наказание.⁴⁸

Отсутствие развитой псовой охоты в Золотой Орде, на первый взгляд, может показаться странным. Ведь была же псовая охота у южных соседей Золотой Орды, например в Персии. Была и у западных — в великом княжестве Литовском. С XVI в. появилась она и у северного соседа, бывшего ее вассала, в Великом княжестве Московском. Однако на самом деле никакой странности в этот нет.

Прежде всего стоит рассказать об одном курьезе. К одному из очерков А. Камерницкого, посвященных истории отечественных охотничьих собак (очерков, надо заметить, весьма слабых и поверхностных), художник А. Дегтев сделал такой рисунок. Некий товарищ, видимо, по мысли художника, долженствующий олицетворять собой древнего русича, с некими собаками, непонятно вообще что собой представляющими, но надо думать, что художник так изобразил «брудастых борзых», стоит на фоне степной травы, которая запросто укроет всадника с головой, а не то что степного русака. Что делает с «борзыми» в степи сей доблестный «русич» — понять трудно. Надо думать, ждет, когда заяц выскочит ему прямо в ноги. Но, тем не менее, рисунок весьма характерный.⁴⁹

⁴⁶ Путешествие и восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1997. С. 36

⁴⁷ Там же. С. 99. Выделено мной —О.Е.

⁴⁸ Там же. С. 227

⁴⁹ Охотничьи собаки. 2000. № 3. С. 3

И еще один пример из современности. В статье С. Матвеева «В саратовских степях», посвященной областным состязаниям борзых 1999 г., проводившихся в Саратовской области, автором написано буквально следующее: «Л* сожалению, огромные брошенные и заросшие перекасти-полям и другими сорняками поля, перемежаемые выпасами и участками обработанной земли, оказались не очень удобными для испытаний борзых. Сами места очень интересные <...> но для успешного проведения испытаний борзых в угодьях должна быть достаточно высокая плотность зайца-русака. И здесь все оказалось сложнее. Нет, заяц-то в угодьях встречался. За все дни испытаний удалось перевидеть около сорока русаков. Но редко выпадало поднять зверька так удачно, чтобы можно было расценить работу борзых. Если русак вставал в ссорах, то борзые не могли его пометить. Если же заяц поднимался на стерне или целине, то быстро достигал заросших полей и скрывался в сорняках, где собаки теряли его».⁵⁰

А вот описание охоты в малороссийских степях, в Екатеринославской губернии (ныне Донецкой области), сделанное во второй половине XIX в.: «Мы, жители центральной полосы России, не имеем понятия о бурьяне Малороссии. Тянется он по степи версты 3-4, захватывая сплошной массой, без перемычек, направо и налево добрых 20—30 десятин; трава растет высокая, жесткая: репейник, дереза, будяк, полынь, перекасти-поле; как въедешь в нее — достаёт до самой спины лошади. Вскочит лисица не близко — мелькнула раз, два, да сейчас же и пропала, особенно если бурьян порос нехворощью, которая своим цветом совершенно схожа с цветом лисы. <...> Во время наших охот (мы ездили подряд без дней 12 дней) на мою свору и 2 своры братьев — затравлено 10 лис и 12 русаков. Видели же мы очень много, но или вблизи балки, или же в бурьяне затеряешь»⁵¹

Уже этих примеров вполне достаточно, чтобы понять, что не только и не столько уклад жизни степных кочевников, мало менявшийся на протяжении сотен лет, сколько географо-климатические условия южнорусских черноземных степей не способствовали развитию псовой охоты в Золотой Орде.

К этому следует добавить еще вот что. Национализм как явление имеет достаточно позднее происхождение. Его возникновение относится к индустриальной, то есть капиталистической, эпохе. До этого, в средние века, большую роль значила религиозная принадлежность того или иного индивида, а его национальности вообще не придавалось никакого значения. Соответственно, при заимствовании, например, русскими у того или иного народа чего-либо, не было нужды скрывать источник происхождения этого заимствования, так как заимствовавшие не испытывали по этому поводу никакого комплекса неполноценности. А потому, как правило, если заимствованное не имело собственного имени, оно именовалось по месту своего происхождения.

Вот лишь один пример. Вассальные русские княжества, кроме денежного выхода, давали в Орду и натуральные платежи. Например, отдавалась каждая десятая лошадь. Соответственно, на протяжении всего монгольского ига лошади в

⁵⁰ Охотничьи собаки. 2000. № 3. С. 56

⁵¹ Филатов П. Псовая охота в Малороссии // ПиО. 1880. № 1. С. 60, 68

Восточную Русь с юга и с востока практически не поступали, обходились своими ресурсами. С середины XV в., с момента фактического выхода Восточной Руси из вассальной зависимости от Орды и с прекращением дачи выхода в Орду, начинается обратное явление. Московское государство остро нуждалось в хороших боевых конях для сторожевой службы на границе со степью. И основной поток лошадей в Москву потек из Большой Ногайской орды, являвшейся союзником Московского государства. И почти сразу же русские документальные источники фиксируют наличие татарских и ногайских лошадей. Например, в духовной грамоте В. П. Есипова, относящейся к первой четверти XVI в., среди завещаемого имущества значатся «*четверо жеребят татарских и двое серы, да двое чалых*»⁵²

Аналогично было и с собаками. Потребность московской высокой охоты в крупных травильных собаках, необходимых для главной царско-боярской зверовой потехи — травли медведей, была удовлетворена ввозом западных травильных собак через посредничество Великого княжества Литовского вместе с их западным названием «меделянские», — и, соответственно, это название фиксируется в русских документальных источниках. Увеличился в XVII в. ввоз травильных собак из Англии — и мы тут же сталкиваемся в русских источниках с термином «британы». Потому весьма странно, что если, согласно уверениям Кишенского и Сабанеева, татарские борзые и гончие на голову превосходили местные отродья, то отчего же об этом молчат источники XVI—XVII вв.? Ведь отмечают же они в это же самое время на царской псарне наличие хортов и меделян! Собак, без всякого сомнения, привозных и именно из Великого княжества Литовского.

Объяснить это каким-либо заговором русских националистов против татар никак не удастся. Для этого слишком велик пласт тюркизмов в русском языке. Взять для примера хотя бы «аргамака» — слово, вошедшее в русский язык именно в рассматриваемый период и означавшее тогда рослую и дорогую лошадь, привозившуюся главным образом из Средней Азии. В упоминавшемся словаре Р. Джемса значится: «*Argamac, so the Emperors great horse are called*»⁵³ («Аргамак, так называется большой конь Государя»). Высокородных лошадей до того не было в Московском государстве вовсе, и естественно, что при появлении здесь столь отличных от местных лошадей животных за ними закрепляется тюркское слово; подобно тому, как за появившимися в это же время крупными западными травильными собаками закрепляется их западное название «меделянские». Следовательно, отсутствие тюркских корней в терминологии русской псовой охоты отнюдь не случайно и не вызвано некими происками русских националистов. А потому мы можем, учитывая все выше сказанное, совершенно однозначно ответить на вопрос о том, было ли какое-либо влияние татар на русскую псовую охоту и на русских борзых и гончих. Такого влияния не было. И не только по причине полного отсутствия развитой псовой охоты в Золотой Орде, но и по отсутствию вообще каких-либо традиций охоты с борзыми собаками в южнорусских черноземных степях. И если уж говорить о каком-либо стороннем влиянии на русскую псовую

⁵² АФЗХ. Ч.2. М., 1956. С. 92

⁵³ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959. С. 126

охоту и на русских борзых и гончих собак, то однозначно можно сказать об определенном западном влиянии, в первую очередь о влиянии Великого княжества Литовского, то есть Западной Руси. Причем это влияние фиксируется не только русскими документальными источниками, но нашло отражение и в терминологии русской псовой охоты. Но об этом уже в следующих главах.